

УДК 94 (517)

НОЛЕВ Евгений Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

ИМПЕРСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕРЖАВЫ ЧИНГИСХАНА В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению средневековой монгольской державы «Их Монгол Улс» периода правления Чингисхана в свете развития концепций кочевых и степных империй. Особое внимание автор уделяет анализу целенаправленных начал имперской идеологии на заре становления Великой монгольской империи.

Ключевые слова: монголоведение, Чингисхан, Великая монгольская империя, кочевая империя

В отечественной и зарубежной историографии при обозначении крупнейшей евразийской средневековой державы, созданной Чингисханом, прочно закрепилось определение «империя», раскрывающееся в таких характеристиках, как объединение кочевников с целью захвата ресурсов у оседлого населения, реорганизация армии и введение строгой дисциплины, административное деление и создание общеимперских писаных законов и т.д. При этом необходимо отметить некоторые особенности, характерные для употребления данной дефиниции. Во-первых, в трудах исследователей понятия «империя» и «государство» часто используются как синонимичные, что составляет известную сложность при попытке объяснения политической природы державы Чингисхана, поскольку обозначение «империя» как высшая стадия развития государства, принятое в европейской политической культуре, входит в противоречие с дискуссиями о государстве у кочевников. Во-вторых, попытки определить уникальную специфику средневековой империи монголов реализуются в контексте развития таких концептуальных моделей, как «кочевая империя» и «степная империя» со свойственными данным моделям различиями в интерпретациях. В-третьих, очень часто понятием «империя» обозначается держава Чингисхана и его потомков, в то время как территориальная и идеологическая составляющие империи при жизни ее основателя не обрели завершенных контуров.

Выступая в качестве эталона одной из наиболее развитых форм кочевых империй, употребление данной категории обнаруживает ряд концептуальных вопросов, обусловленных развитием теоретических представлений о сущности и формах империй. Во-первых, чем определяется сущность «кочевых» и «степных» империй? Во-вторых, можно ли считать государство Чингисхана классической империей, и каково его место в истории мировых империй? В-третьих, в чем заключается «имперская идея» Чингисхана, или расширение масштабов монгольского средневекового государства является инерцией успешных завоевательных походов, формирующей *post factum* необходимость разработки имперской идеологии и институтов управления? В свете поставленных вопросов большое значение приобретает изучение применения термина «империя» по отношению к государству Чингисхана в историографическом дискурсе. Последовательное индуктивное исследование представлений об империи Чингисхана, обусловленных господствовавшими в тот или иной период теориями исторического процесса, поможет не только выявить имперскую сущность

средневекового монгольского государства, но и понять, каким образом держава Чингисхана оказала влияние на разработку теоретических подходов к определению феномена империи. Одновременно это поможет избежать опасности модернизации содержания исторического понятия в различные периоды.

В «Сокровенном сказании» дается следующее описание процедуры завершения устройства Монгольского государства и интронизации Чингисхана, состоявшейся в 1206 г.: «Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса, состоялся сейм... и нарекли ханом – Чингисхана»¹. Этот эпизод, зафиксированный в монгольской исторической хронике, был воспринят в качестве описания становления Монгольской империи, что отразилось в юбилейных мероприятиях 2006 г., приуроченных к 800-летию ее создания. Согласно тексту «Цза-цзи» южносунского историка Ли Синь-чуаня, название «да мэн-гу го» (Великое Монгольское государство) впервые было использовано в 1211 г.² Сделав предположение о тождестве значения понятий «да мэн-гу го» и *yeke Mongyol ulus*, Т.Д. Скрынникова приходит к выводу, что выражение «Великое монгольское государство» могло быть маркером новой политики, сформировавшейся в области вторичной колонизации, оформившейся в результате переноса «престола» [Скрынникова 2013: 113, 116]. Интересное наблюдение, раскрывающее представление о дихотомии сущности и образа кочевой империи в представлениях современников, сделал Н.Н. Крадин: «Конфуцианские летописцы видели мир степных кочевников глазами цивилизованных книжников и интерпретировали его в понятиях бюрократического общества. <...> Похожим образом описали монгольское общество и европейские путешественники в XIII в. Действительно, извне империя Чингисхана выглядела как мощное милитаристское государство с сильной автократической властью. Однако это только внешний сторонний взгляд» [Крадин 2007: 273]. Таким образом, описание империи Чингисхана в категориях европейской, исламской и китайской средневековой политической культуры способствовало формированию представления о становлении «традиционной» империи у монголов в период правления Чингисхана. Более поздние упоминания о державе Чингисхана в сочинениях средневековых авторов, опиравшихся на известный им опыт истории государств Чингизидов, содержат элементы модернизации имперских характеристик монгольской средневековой державы в период правления ее основателя.

В начале XX в. в трудах выдающихся отечественных ориенталистов был поставлен вопрос о цели и осознанности имперской идеи. Весьма показательным предположение В.В. Бартольда, сделанное на основе сообщения Джузджани о хорезмийском посольстве к Чингисхану в 1216 г. По свидетельству персидского историка, «Чингис-хан милостиво принял послов и велел передать хорезмшаху, что считает его владыкою Запада, как себя – владыкою Востока» [Бартольд 1963: 461]. По мнению В.В. Бартольда, данный эпизод говорит об отсутствии у монгольского правителя на тот момент планов о всемирном владычестве. Г.Е. Грумм-Гржимайло, обозревая период правления Чингисхана, высказал предположение о проведении им военных кампаний без выработанного заранее плана, «который, если и составлялся, то обнимал только постановку ближайшей цели, не переходя далеко за пределы первых столкновений с неприятелем» [Грумм-Гржимайло 1926: 449]. В это же время американский историк Г. Лэм следующим образом описал попытки раскрыть

¹ *Сокровенное сказание монголов* (пер. С.А. Козина). 1990. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. С. 101.

² *Мэн-да бэй-лу [Полное описание монголо-татар]* (пер. Н.Ц. Мункуева). 1975. М.: Наука. С. 123-124.

феномен империи Чингисхана в западной историографии: «эта империя, созданная варварами из ничего, озадачила историков, признающих, что это необъяснимый факт» [Lamb 1936: 14].

В советской историографии возобладал односторонний подход, при котором главной причиной создания Монгольской империи считалось стремление к обогащению феодалов Монголии за счет покоренных народов наряду с эксплуатацией монгольских аратов в условиях ограниченной собственной экономической базы. Вместе с тем мировая империя, создание которой не отвечало жизненным интересам монгольского народа, представляла собрание племен и народностей и не имела общей экономической базы, что делало державу Чингисхана столь же непрочной, сколь и огромной. Альтернативный взгляд на природу Монгольской империи был сформирован в трудах представителей евразийской школы. В этот же период в зарубежной историографии в трудах О. Латтимора, Г. Ленски, М. Фрида, Л. Квантена, Т. Барфилда и др. происходит активная разработка теории «кочевых империй» [Крадин, Скрынникова 2006: 30–38]. В отечественной ориенталистике 1960–1980-х гг. понятие «кочевая империя» начинает использоваться в трудах Г.Е. Маркова и С.А. Плетневой.

В постсоветской историографии специфика Монгольской империи стала осмысливаться в категориях степных и кочевых империй. В.В. Трепавлов в своих трудах обосновал идею о преемственности степных империй Евразии. В условиях неспособности ханской орды в начале XIII в. обеспечить функционирование государственного аппарата на завоеванных территориях, угрозы сепаратизма и опасности чжурчжэньской экспансии Чингисхану требовались эффективные модели управления, разработанные и применявшиеся хуннами – древними тюрками и уйгурами [Трепавлов 2015: 68]. Следовательно, можно предположить, что преемственность управленческих моделей и традиций в условиях объединения различных народов в степной Евразии является одним из значимых критериев имперскости державы Чингисхана. Вместе с тем В.В. Трепавлов представил периодизацию стратегии консолидации кочевых народов во время правления Чингисхана, раскрыв тем самым существенные характеристики Монгольской империи на этапе ее становления. В период с 1207 по 1218 г. реализовывалась тактика «объединения народов, живущих за войлочными стенами», объединявшая окрестных номадов в рамках единой империи, преимущественно дипломатическим путем и заключением союзных договоров. Номадизм при этом служил решающим критерием для выбора «подданных». Далее, в 1218–1223 гг., возобладала пропаганда тюрко-монгольского единства на основе действительных или фальсифицированных представлений об общности генеалогических истоков с целью раскола вражеских сил – кыпчаков и их союзников. После 1223 г. все тюркские народы, встречавшиеся на пути монгольской армии, рассматривались как объекты покорения, а не как потенциальные союзники.

Примечательно, что и Н. Ди Космо в своей классификации степных империй, включающей даннические империи (209 г. до н.э. – 551 г. н.э.), империи дуальной администрации (907–1259 гг. н.э.) и империи прямого налогообложения (1260–1796 гг. н.э.), выделил качественно различные этапы при характеристике Монгольской империи. Он определил Монгольскую империю периода правления Чингисхана, во время которого была достигнута беспрецедентная централизация и положено начало завоеванию Средней Азии и части Северного Китая, как империю с торгово-даннической моделью управления. Это объясняется наложением дани на государства Си-Ся и Цзинь, а также «чрезвычайно хищническим» монгольским правлением на завоеванных

китайских территориях. По мнению Н. Ди Космо, замещение торгово-даннической модели завоеванием и прямым управлением происходит только при Угэдэе [Ди Космо 2008: 214].

Н.Н. Крадин, внесший значительный вклад в исследование кочевых империй, следующим образом сформулировал данное определение: кочевая империя — это «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации (грабежи, война и контрибуция, вымогание “подарков”, неэквивалентная торговля, данничество и т.д.)» [Крадин 2001: 21-22]. При этом ученый предлагает характеризовать кочевые империи как суперсложные вождества. Монгольская империя периода правления Чингисхана в типологии Н.Н. Крадина соответствует модели кочевой империи, в которой кочевники и земледельцы существуют на расстоянии, а эксплуатация оседлых народов с целью получения прибавочного продукта осуществляется дистанционно [Крадин 2001: 25]. Г.Г. Пиков под империей понимает алгоритм оформления цивилизации, механизм организации пространства в борьбе с многочисленными врагами. Характеризуя кочевые империи как восточноазиатский феномен, исследователь связывает их появление с достижением предела внутреннего развития nomadных сообществ, когда все территории поделены, а рост населения принял характер демографического взрыва [Пиков 2012: 10-11]. С.А. Васютин обозначает Монгольскую империю в середине XIII в. как «кочевую суперимперию» [Васютин 2004: 283]. Весьма показательным для изучения целеполагающих начал имперской идеологии Чингисхана является мнение автора о неспособности лидеров империи поставить цели, консолидирующие Чингизидов после окончательного захвата Южного Китая [Васютин 2004: 284]. На наш взгляд, это может свидетельствовать если не об ограниченности имперской идеи завоевательным потенциалом державы, то о доминирующем значении данного потенциала в идеологии освоения имперского пространства.

Вместе с тем созданная Чингисханом мировая сверхдержава предопределила использование в качестве аналитического инструментария универсальной категории «мировая империя». К примеру И. Де Рахивильц, говоря об идеологических основах Монгольского средневекового государства, предположил, что Чингисхан в своем правлении опирался на китайскую традиционную концепцию империи с доктриной «мандата неба» [De Rachewiltz 2010: 169]. Таким образом, ученый показывает, что основание идеологии Монгольской державы выходит за рамки традиций кочевых империй и требует соотнесения с институтами других имперских образований. Однако возможность изучения Монгольского государства с позиций мировой империи обладает большим потенциалом при исследовании истории Чингизидов. В то же время именно деяниями Чингисхана были созданы условия для установления порядка на территории Евразии, именуемого *Pax Mongolica*, и развития средневековой мир-системы.

Обобщая результаты исследований кочевых и степных империй, можно предположить, что держава средневековых монголов периода правления Чингисхана является особой стадией конструирования Великой монгольской империи, обретающей черты евразийской имперской общности посредством ситуативной трансформации политических и экономических институтов, обусловленной скорее реакцией на геополитические вызовы, нежели осознанным планом нового мироустройства. На наш взгляд, наиболее подходящей образной дефиницией политики Чингисхана, отражающей ее специфику как универсальной, так и кочевой империи, является определение Эрика Фогелина: «*imperium*

mundi in statu nascendi (мировая империя в процессе становления)» [Вернадский 2014: 115].

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-А).

Список литературы

- Бартольд В.В. 1963. *Сочинения*. Т. 1. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. М.: Издательство восточной литературы. 763 с.
- Васютин С.А. 2004. Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй). — *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 269-287.
- Вернадский Г.В. 2014. *Монголы и Русь*. М.: Ломоносовъ. 512 с.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. 1926. *Западная Монголия и Урянхайский край*. Т. 2. *Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии*. Л.: Типография Главного Ботанического Сада. 906 с.
- Ди Космо Н. 2008. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии. — *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. Кн. 3. С. 181-227.
- Крадин Н.Н. 2001. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок. — *Восток*. № 5. С. 21-32.
- Крадин Н.Н. 2007. *Кочевники Евразии*. Алматы: Дайк-Пресс. 416 с.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2006. *Империя Чингис-хана*. М.: Восточная литература. 557 с.
- Пиков Г.Г. 2012. Кочевая империя как феномен евразийской истории. — *Вестник НГУ*. Сер. История, филология. Т. 11. Вып. 8. С. 10-15.
- Скрынникова Т.Д. 2013. *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. СПб: Евразия. 384 с.
- Трепавлов В.В. 2015. *Степные империи Евразии: монголы и татары*. М.: Квадрига. 386 с.
- De Rachewiltz I. 2010. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chinggis Khan's Empire. — *The History of Mongolia*. Vol. I. *The Pre-Chinggisid Era. Chinggis Khan and the Mongol Empire*. Folkestone: BRILL/Global Oriental Ltd. 1022 p.
- Lamb H. 1936. *Genghis Khan. The Emperor of All Men*. London. Thornton Butterworth Ltd. 303 p.

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, *Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; nolev@inbox.ru)*

IMPERIAL CHARACTERISTICS OF GENGHIS KHAN'S POWER IN HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE

Abstract. *The article is devoted to the study of the medieval Mongolian state during the reign of Genghis Khan in the light of the concepts of nomadic and steppe empires. The author pays a considerable attention to the analysis of goal-setting component of the Great Mongol Empire's ideology. He concludes that the Genghis Khan's power is a special stage in the construction of the Great Mongol Empire. During this period, the Eurasian imperial community is formed through the situational transformation of political and economic institutions, due to the response to geopolitical challenges rather than the conscious plan of the new world order.*

Keywords: *Mongolian studies, Genghis Khan, Great Mongol Empire, nomadic empire*